

МАТЬ

СЫН

И

Виолетта
ВЕКША

16+

Виолетта Векша

Мать и сын

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67969919

SelfPub; 2022

Аннотация

Он не ценил ее и порой даже не замечал.

Он брал и брал, не шибко задумываясь о том, какую боль причиняет ее материнскому сердцу.

И вот однажды она исчезла.

Куда она пропала? Неужто злые силы решили так наказать его? Как жить ему дальше? И главное – как вернуть ее?

Виолетта Векша

Мать и сын

Неблагодарное дитя хуже ядовитой змеи...

Стивен Кинг

– Собираетесь устроить праздничный ужин? – прокряхтел над ухом вкрадчивый голос.

Мальчик вздрогнул, но ничем не показал, что появление соседа до чертиков испугало его. Вместо этого он натянул на лицо приветливую улыбку и бодрым голосом ответил:

– Всё так, дядя Толя. У нас сегодня чахохбили с подливой.

Старик благодатно закивал и ударился в воспоминания своей юности, в тот день, когда его мать поручила ему забить курицу к обеду, а она так клюнула его в глаз, что тот, засрапец, до сих пор нервно тикает при виде пернатых чертовок. Терпеливо выслушав старика и даже пару раз улыбнувшись краем губ, мальчик поторопился выйти из магазина. Однако не успел он сделать и пару свободных вдохов, как старик догнал его, придержав за рукав.

– Гришка, стой! Совсем я, старый дурень, забыл! Вот, держи.

И старикан сунул Грише под руку какой-то теплый сверток.

– Что это? – спросил Гриша безо всякого любопытства.

Несмотря на то, что ему было всего десять лет, он отличался от своих ровесников так же, как одно гнилое яблоко отличается от своего нетронутого гнилью собрата – внешне похожие, они различались друг от друга на клеточном уровне. У мальчика были такие же светлые курчавые волосы, как и у многих ребят его лет, такой же рост и вес, но вот глаза... В глазах его плескалось что-то очень взрослое, что-то, что резко контрастировало с его юным мальчишеским обликом.

Вот и сейчас, вместо того, чтобы с оживлением заглянуть в пакет, преподносимый ему добрым соседом, Гришка лишь натянул на лицо задеревенелую улыбку.

– Бери, бери, – дядя Толя ласково потрепал парнишку по плечу. – Моя старушка специально для вас выпекала. Скушаете вдвоем с матерью... Ей же, бедняжке, сейчас небось не до готовки.

Гриша, передернувшись, сдавленно сглотнул. *Скушаете вдвоем с матерью...*

Дядя Толя, слава богу, ничего не заметил. Только посмотрел чуть жалостливо да кивком приободрил мальчика. Гриша знал эту улыбку, ему улыбались так разные люди уже многие месяцы, но знал также, что жалость соседей искренняя. Интересно, подумал он, что бы они сказали, узнай правду?

Дядя Толя на прощание помахал рукой и, напевая про себя, пошел по заснеженной дороге к себе домой.

Мальчик остался стоять как вкопанный. Фу-ты ну-ты, а

ведь чуть было не попался!

Досадливо качая головой, он запахнулся в тоненькую кур-тенку и поспешил домой, всей душой надеясь, что больше он никого не встретит по пути. Дойдя – чуть не добежав – до дома, он с внезапной злостью распахнул входную дверь, переступил порог и захлопнул дверь, оставив лютый мороз гулять во дворе.

В доме было тихо, темно и пахло сыростью. Мальчик сбросил пакеты на пол, закрыл лицо руками и горько распла-кался.

* * *

К праздничному ужину всё было готово. Был канун Рож-дества, сочельник. На нелепо засервированном столе стояло два прибора: две тарелки, две вилки, два ножа и два бока-ла. В центр стола взгромоздилась свежеприготовленная ку-рица: от почерневшей тушки столбом валил пар, обугленная кожица пластами сползала с непрожаренного мяса, гусиными складками скатываясь в жидкую, желтую, словно потоки во-дянистой рвоты, подливу. Дополняло сие убранство бутылка маминой настойки. На столе были и потрескавшиеся по кра-ям свечи, и подарок дяди Толи – вишневый пирог с розовым кремом. Всё как и положено.

Гришка не сводил глаз с часов, отбивавших нервную четку прямо напротив его глаз. Когда до 12 осталось пять минут, мальчик снова обвел стол хмурым взглядом. Тарелки друг против друга, ножи с правой стороны, вилки с левой, горящие косым пламенем свечи... Чего-то не хватает! Переведя взгляд на подоконник, где на накрахмаленной салфетке доживал свой век ослабевший фикус, мальчик громко ойкнул. Салфетки! Черт возьми!

Вскочив со стула, он опрометью бросился в гостиную. На трясущихся ногах подбежал к темно-коричневому шкафчику. Без труда можно представить этот сундук старого хлама – такой есть в каждой затхлой комнате страны. Паника в груди мальчишки всё нарастала. Он перетряхивал старые, теперь уже никому ненужные платки, потускневшие наволочки и еще какое-то пожелтевшее тряпье, в зудящем нетерпении скидывая всё это на пол. Когда до 12 оставалась одна минута, мальчик пораженно выдохнул, чуть слышно зарывчав, понурил голову и поплелся на кухню. Снова не так. Всё снова не так.

Он налил себе воды из-под крана, сел за стол и посмотрел на глубокую посудину, в которую полчаса назад плюхнулось его кулинарное творение. Вид подгоревшей курицы вызвал в его животе – прямо под ребрами – посасывающую стенки желудка тошноту. Гриша отодвинул блюдо подальше и неподвижным взглядом уставился на заснеженное окно.

Он не может. Просто не может так дальше жить.

Она всё делала не так. Она готовила по-другому – она готовила вкусно. В ее руках еда приобретала особый вкус и аромат, словно бы приготовленная руками самого Бога. Одежда, не желавшая разглаживаться под его неумелым натиском, в ее руках приобретала те формы и очертания, которые можно было счесть идеальными. Иголка в ее ловких руках словно бы оживала, весело поблескивая и ловко петляя между нитями его рубашки. С ней всё было по-другому. Она зажигала в их крохотном домике свет, вдыхала в него жизнь и согревала своим присутствием каждый темный уголок этого старого жилища.

Вот уже как три месяца Гриша жил один. Сам ходил в магазин, сам покупал продукты, сам убирал и готовил. Всё то, что делала для него мама, теперь делал он сам. Поначалу было трудно. Он, приученный к горячему завтраку с утра и теплomu супу, когда он приходил со школы, он, знающий, что носки всегда выстираны, а рубашка выглажена к завтрашнему утру, он, привыкший к комфорту и знающий о полчище рыжих тараканов, выпрыгивающих из-под кровати, только из рассказов школьных друзей, был в первое время в шоке от всего, что ему пришлось взвалить на свои детские плечи.

И мама всё это делала сама? – в неверии думал он в конце дня, когда от усталости и ноющего чувства в икрах он без задних ног заваливался на свою кровать. *Сама, ну конечно, всё сама.* И гладила, и стирала, и убирала, и на столе всегда стояла сахарница, полная сахара, и никогда ему, насколько

он помнил, не приходилось съесть на ужин черствые корочки хлеба. Никогда, до того сумасшедшего дня...

Вздыхнув, Гриша отвел взгляд от окна, снова посмотрел на приготовленный им рождественский ужин, сглотнул, ощущая мерзкое хлюпающее движение в горле (точно проглотил скользкого червяка), и решил выйти во двор. Всё же лучше, чем сидеть в пустом доме и жалеть себя.

Он шел по хлопьям снега, а новые снежинки снова и снова оседали ему на ресницы, мгновенно таяли и стекали по щекам ледяной росой. Гриша не особо задумывался, куда идет – просто шел и думал о том дне, с которого всё началось.

Тогда было начало осени и он как обычно собирался утром в школу. Как обычно проигнорировал материнское пожелание хорошего учебного дня и как обычно забыл поблагодарить маму за собранный ею в школу бутерброд. Единственное, что отличало то утро от остальных, так это то, что накануне они с матерью малость повздорили.

Гриша сжал виски руками, стараясь прогнать назойливое воспоминание, но оно, словно бы почувствовав его стыд и страх, с каверзным упрямством вставало перед глазами.

– Гриша, родненький!..

Мать стояла около стола, с мольбой всматриваясь в его лицо, которое он упрямо хмурил, смотря на открытый где-то на чердаке спортивный журнал.

– Я одна никак не управлюсь. Там работы всего на минуточку, ну же, милый...

Гриша с нарастающим раздражением сложил раскрытую перед ним глянцевую страницу.

– Я же сказал – я занят!

Мать вздрогнула, словно его слова, материализовавшись в холодную металлическую плеть, больно хлестнули ее по лицу. Женщина потупила глаза и ничего не сказала. Ровно неделю назад стало известно, что она заболела какой-то жуткой женской болезнью, при которой доктор строго-настрого запретил ей носить тяжести и вообще делать любую напряженную работу по дому. В одну безумную секунду женщина захотела что-то возразить, но это желание прошло так же быстро, как и наступило – женщина вздохнула и молча вышла из спальни. Через минуту-другую до Гриши донесся характерный звук дробящихся деревяшек. Он запел «33 коровы», чтобы не слышать глухих ударов топора по заледеневшим поленьям.

Утром мать еле встала с постели. Гриша этого не знал, но сил у женщины хватило ровно настолько, чтобы приготовить сыну завтрак, собрать ему полдник в школу и проводить его до двери. Там, облокотившись о дверной косяк, она смотрела ему вслед, вытирая холодную испарину на лбу и моля Бога о том, чтобы сегодня боли в низу живота были не похожи на пробежку по всем девяти кругам ада.

Гриша открыл глаза. Он заслужил это, заслужил всё это, безусловно, но, господи боже, куда она подевалась?! В тот день он пришел домой со школы и не увидел ни обеда, ни

матери. Он ждал ее весь день, ждал весь вечер, но она так и не появилась. Он ждал ее на следующий день, и на следующий, но она всё не приходила. Он прекрасно помнил свой первый поход в магазин, эти настороженные взгляды соседей (раньше он никогда не делал *таких* покупок), их встревоженные вопросы: «Гришенька, а что ты делаешь? Почему пришел ты, а не Алиса?» И Гриша прискорбно опускал глаза в пол, и Гриша лгал, что мама сильно заболела, и Гриша принимал пожелания скорейшего выздоровления, и Гриша улыбался, и Гриша без конца повторял: «Всё хорошо. Она скоро поправится. Скоро, совсем уже скоро». А потом шел домой в пустые комнаты и старался не сойти с ума.

Покачав головой, мальчик укутал обмороженный нос кончиком шарфа и решил возвращаться домой. Он не боялся холода и все усилившегося ветра, они наоборот помогали ему отвлечься, но он боялся, что подумают соседи, завидев его шляющегося одного, в метель, в самый разгар праздника. Еще раз вздохнув, Гриша направился к дому. Внезапно он услышал за своей спиной какой-то резкий свистящий звук. Ветер сегодня не на шутку разбушевался, подумал он, содрогаясь, а потом вдруг понял, что ветер никак не может издавать такие звуки. Обернувшись, мальчик так и застыл. Увиденное ну никак не могло быть взаправду!

С неба, словно огромная пищущая птица, спускалось нечто круглое и светящееся. Загадочная штуковина вибрировала и светилась разноцветными огнями, точно зажжен-

ная елка на Новый год. Края исполинской посуды оттачивали багряные лучи-стрелы, рассекающие морозный воздух ядовитым красным светом. Когда это кружащее, звенящее и верещащее нечто с тяжелым жужжанием село на землю, мальчика так колотило от страха, словно бы кто-то хорошенько приложился по нему высокоразрядным током.

Гудение становилось всё тише, пока наконец совсем не заглохло в вое ветра, доносящегося с опушки леса. Открылся люк, и из мигающей огнями тарелки выплыл белый луч, похожий на лестницу. Пылко искрясь, точно зажженные бенгальские огни, луч начал ломаться, превращаясь на глазах мальчика в некое подобие лестницы. Когда луч, приняв зигзагообразную стойку, застыл в воздухе, мерно покачиваясь, с правого бока инопланетной посуды открылся люк. На лестницу ступила расплывчатая фигура и размеренно, с вальяжной неторопливостью, пошла прямо на мальчика.

Гриша, не смея пошевелиться, с паническим ужасом всматривался в приближающуюся тварь. Кровь хлынула к лицу, а сердце, словно загнанная в угол мышь, отчаянно задрезжало в грудной клетке. Бесполое существо (ибо назвать это человеком у Гриши язык не поворачивался) с каждой гудящей минутой, отдававшей в висках тупой болью, приближалось к мальчику.

Напрасно мальчик трясся всем телом – фигура проплыла мимо него, задев его тощей рукой, но он этого даже не почувствовал. Медленно обернувшись, мальчик следил за тем, как

скелетообразная, черная, словно пришедшая из самого ада, тварь шагает по снегу, не оставляя на нем следов. Призрак, подумал Гриша с благоговейным страхом. Внезапно фигура решила свернуть резко влево и зайти в какой-то крохотный домишко на обочине дороги. Приглядевшись, мальчик понял, что это их с матерью дом. Он в ужасе смотрел, как фигура проплывает через их дверь и исчезает внутри. Хотел было двинуться следом, но страх прочно удерживал его на месте.

Вдруг сзади от него что-то резко щелкнуло, Гриша обернулся, поначалу различая лишь какой-то белый туман, а потом, через секунду-другую, в рассеивающемся свете увидел такое, отчего его сердце, с радостью и вместе с тем с холодным потрясением зашлось в дрожи.

За стеклом иллюминатора, прямо в сияющем космическом аппарате, сидела его мать. Его, родная мама, но все же другая. Вроде бы те же светлые волосы, но красивые, с веселыми завитушками вдоль овала лица, лоб расслаблен, глаза смотрят спокойно и равнодушно. И выглядит она лет на 10 моложе.

– Мама! Мамочка! – Гриша пытался добежать до начавшей вибрировать посуды, однако ноги не слушались его. Не страх, а нечто большее неумолимо тянуло его назад, словно какая-то злая сила не давала ему ни на шаг приблизиться к кораблю. Наконец, выбившись из сил, мальчик упал в сугроб, прорывая своим весом шершавую корку льда. Заледневшими пальцами сгребая льдистый снег в кулаки и чув-

ствуя, как отчаяние горячей волной накрывает его с головой, Гриша не отрывал глаз от женщины, что молча наблюдала за его страданиями.

Отделяясь от него толстым стеклом иллюминатора, его мать даже не моргнула. Слезящимися глазами смотря на набирающий обороты гигантский корабль, Гриша потрескавшимися губами пытался докричаться:

– Мама... Мамочка! Прости меня, пожалуйста, прости...

Но женщина так и не ответила. Она смотрела на него, *сквозь него* – таким же пустым, отрешенным взглядом, будто его здесь и вовсе не было, а потом ее образ потонул в водовороте света, снежинок и ярких, бьющих по воспаленным глазам вспышек...

– Нет! Мама, не-е-ет!

Гриша закричал со всей силой, всем своим нутром тянясь к кораблю, который уже взлетал в небо, унося от него единственно дорогого ему человека...

Он словно бы вынырнул из ледяного колодца. Разом распахнул глаза, сел на кровати, тяжело дыша. Застонав, Гриша с облегчением закрыл лицо руками. Успокоил дыхание. Слава богу, что это был просто сон!

Голова побаливала, и было непривычно холодно, будто он все еще находился на заснеженном дворе. Приложив ладонь к теплomu и влажному лбу, Гриша нахмурился. Почему он не помнит, как переодевался и расстилал себе постель? И сколько вообще сейчас времени? Глянул в окно – серая, по-

что белая пленка облаков висела над городом. Черт, неужели он проспал в школу?

Уже минуя мамину спальню, он почувствовал что-то неладное. Подходя к кухне, он понял, из-за чего ему все еще кажется, будто он во сне. Принюхавшись, он снова ничего не ощутил. Запах, вот в чем дело. Он не ощущал его. Всегда, всегда его мама что-то готовила ему на завтрак, перед тем, как он пойдет в школу. И всегда на кухне стоял аппетитный запах молочной каши или печеных оладьев. А сегодня не было ничего. С дурным предчувствием Гриша взялся за ручку двери и медленно отворил ее. Крик, застывший в его горле, можно было сравнить с криком человека, попавшего в смертельную ловушку и наконец осознавшего это.

Кухня находилась в таком запущении, что казалось, будто в нее не заходили долгие месяцы. На неубранном столе, переползая через когда-то белые чашки и блюда, клубками катились комки серой пыли, грязный, почерневший самовар, стоявший посередине стола, выдыхал струйки черной сажи, по позеленевшей, покрывшейся болотно-серой плесенью скатерти играли в догонялки два усатых таракана. Сглотнув, Гриша зажал нос рукой и перевел взгляд на настенный календарь – полуоблупившийся, в черных пятнах липких клякс. Нахмурившись, стараясь не наступать на клейкие коричневые круги на полу, мальчик подошел ближе. Все верно – календарь показывал понедельник, 8 января. Но этого просто не могло быть – ведь еще вчера был сочель-

ник, еще даже не наступило Рождество, он это точно помнит! Гриша снова посмотрел на календарь – его рукой семь дней января были старательно закрашены красным (привычка еще с первого класса).

Решив подумать над этим позже, мальчик поспешил как можно скорее убраться из кухни. Выходя за порог, ему казалось, что пропитавший всю кухню мерзкий запах, словно прилипчивый кот-бродяга, будет преследовать его на много километров вокруг. Завидев приоткрытую дверь ванной, мальчик решил вымыть руки: ему хотелось начисто отмыться после увиденного. Взяв кусок серого мыла, он включил воду и стал тщательно намыливать свои почему-то огрубевшие ладони. И откуда столько мозолей? – подумал Гриша, поворачивая ладони вниз-вверх. Загипнотизированный тем, как его длинные пальцы тонут в серой пене, мальчик еще некоторое время не отрывал глаз от своих ладоней, потом моргнул, стряхивая наваждение, поднял глаза вверх и обомлел. С пятнистого зеркала, поверх засохших пятен зубной пасты – белых, идеально ровных кружков, по неряшливости разбрызганных им по всей поверхности зеркала, – на него смотрел подросток лет 15-16.

Выпученными глазами Гриша приблизил свое повзрослевшее лицо к тусклому отражению зеркала. Ну, точно он! Вот его родинка на подбородке, а вот шрам, полученный в детстве от соседнего пса, но всё остальное... было *не его*. Высокие скулы, впалые яблоки глаз, затравленный взгляд и

тонкие изломы морщин на лбу – куда делся пацаненок с горящими жизнью глазами?!

В смятении Гриша выбежал из ванной, прыгнул в сапоги, накинул куртку и опрометью выбежал из дома. Только подбегая к дому дяди Толи, Гриша заметил, что в его руках все еще зажат кусок влажного мыла. Досадливо отмахнувшись, он что есть духу начал колошматить пенистым куском в дверь соседа. Не сразу на пороге показался заспанный хозяин дома. словно бы выйдя из глубокой зимней спячки, дядя Толя – весь какой-то посеревший, осунувшийся – протер красные глаза, щурясь, провел рукой по седым волосам, еще больше взлохмачивая их, и с явным удивлением посмотрел на незваного гостя.

– Гришка? А ты разве не в Бухарке должен сейчас быть? – и чуть погодя, видя, как изменилось выражение лица парня, прохрипел: – С тобой... ээ... всё хорошо, парень?

Гришка аж онемел. Будто кто-то резко засадил ему сапогом под дых, лишив воздуха возможности нырнуть в легкие. Бухаркой у них называли аграрный колледж, расположенный в 30 километрах от их поселка. С самого детства мама мечтала, чтобы он туда поступил.

– Какая Бухарка? – спросил Гриша севшим голосом. – Дядь Толя, я же в школе еще учусь... Это же я, Гришка!

Мужчина сдвинул свои седые косматые брови, с подозрением смотря на мальчика.

– Ну точно! А я Маруське говорил, я говорил, что всё это

серьезно, а она не верила, всё кичилась... Баба, что с нее взять. Тьфу!

И старик сплюнул на белый, искрящийся на солнце снег.

– О ч-чем вы?

– Да о солнечной буре, черт бы ее побрал! – дядя Толя покачал головой. – От нее все с ума сходить начинают. По телевизору передавали, я сам слышал. Вот и моя рябая всё носится с утра, беспокойная такая...

Гриша почти не слышал старика. В оцепенении он поднял правую руку. Мозолистая ладонь, словно расчерченная изломами рек и берегов карта, лежала у него перед глазами: то тут, то там виднелись красные сеточки порезов, кровотокающие следы укусов (от плодоовощных вредителей?..), ссадины и царапины, словно бы он целыми днями пропадал в огороде.

– Эй, ты куда?? Гришка! Да что же это такое...

Он сам не понял, как сорвался с места и побежал по главной дороге, спотыкаясь и путаясь в снегу. Выдохнул только, когда добежал до желтой калитки соседнего дома. Учащенно дыша, правой рукой убирая со лба влажные пряди волос, он с некоторой неохотой отпер калитку и вошел во двор. Здесь, в увитой плющом запущенной избе, одна-оденешенька доскрипала свои годы старуха-затворница. Он подбежал к двери и со всего духу забарабанил по холодному металлу.

Только через три минуты ржавые петли заскрипели и на морозе показался любопытный старушечий нос. Черные

глазки-жуки оббежали Гришку с головы до пят, с удивительной для стариковского возраста внимательностью подмечая каждую пылинку на дрожащем перед нею парне.

– Что такое, сынок? Что-то случилось?

Гнусавый, приторно-взволнованный голос. Гриша стоял перед ней, как открытая книга, и ничего не говорил. Что он скажет этой старой ведьме? Что он заснул десятилетним мальчиком, а проснулся пятнадцатилетним пацаном? Не-е-ет, еще чего пуще его в психушку упекут. Когда он все же открыл было рот, решив попробовать всё ей объяснить, он успел увидеть, как ощетинились в грязном предвкушении губы старухи, приоткрывая ряд гнилостно-желтых зубов и как оживились ее чертята в зрачках черных глаз. Так и ничего не сказав, злясь на себя и на то, в какое дурацкое положение он поставил себя перед соседкой, Гриша побежал домой, отдавая душу тем, что пульнул кусок мыла в пробегавшую через дорогу кошку.

Смотря парнишке вслед, старая отшельница, любившая сплетни даже больше, чем свой любимый дубовый бальзам, поспешила накинуть на плечи шаль и быстрыми шажками посеменила к своему ближайшему соседу.

Толик впустил старую женщину, нисколько не удивившись ее приходу: старуха, после переезда своей дочери из поселка в город, только с его женой и поддерживала общение. Не раздеваясь, гостья сразу прошла на кухню, откуда доносился выраженный запах сдобы – через пару минут до-

ходил до готовности мясной пирог бабы Маруси.

– Видела, – черная бестия подсела к жене Толика, – этот Гришка, сын блудной Алиски, как ошалелый сегодня.

– Не говори так, – Маруся ткнула соседку под бок. – Никакая она не блудная, просто...

– Ну, да. Просто бросила сына, когда он еще ребенком малёхоньким был, и сбежала к чертям на куличиках. С тех пор от нее ни слуху ни духу.

– Надо было его сразу в приют отдать, – встрял в разговор дядя Толя, ставя кипятить чайник.

Добрая Маруся так и вспыхнула.

– В приют?! Да мы его с десятилетнего возраста выхаживаем, всем поселком ему помогаем! Кто супом его накормит, кто дров наколет, я вот ему пирожки каждый день пеку... Он сейчас таким взрослым стал, самостоятельным, в колледже учится, а что было бы, если бы мы его на растерзание приюту отдали? В приют... Еще раз скажешь такое, тумачков от меня не наберешься! – и она пригрозила мужу морщинистым пальцем.

– Тише, тише, дорогая. Я и не говорю, что мы плохое дело справляли все эти годы, авось, на небесах и зачтется как-нибудь... Я про то, что не то с ним сегодня что-то. Буйный он какой-то, словно не понимает, кто он и что с ним происходит.

– Ой, да прекрати! – осекла его Маруся, отмахнувшись. – Поставь на стол лучше третью чашку, у нас *гостья*, между

прочем.

Сели втроем пить чай. И постепенно, затягиваясь в воронку житейских сплетен, старики стали забывать про Гришу. Только Маруся отрезала четвертинку пирога и аккуратно завернула ее в специально для этого выглаженное полотенце. Завтра к утру, как голова пройдет, обязательно занесет пирог парнишке.

А Гриша тем временем с разбегу вбежал в свой дом, опрокинув какие-то коробки в прихожей. От них, как и от всего в доме, с чем он соприкасался, поднялась серая, в крапинках золота от солнечного света пыль. Ошалевшими глазами озираясь по сторонам, он почти не думая ринулся к материнской спальне. Дверь поддавалась плохо – было видно, что туда давно никто не заходил. Серость комнаты, ее прелый запах вместе с воздухом проникали в ноздри парня, затем по артериям в кровь, постепенно разносясь по всему телу. Накачиваясь, словно наркотиками, этой гнетущей атмосферой, Гриша пытался найти хоть какую-нибудь зацепку, какую-то вещь, которая бы объяснила происходящее с ним в последние полчаса.

И вдруг на кровати, под треугольником подушки, он увидел что-то серое. Подойдя ближе, он поднял запыленную вещь, повертел в руках. Это была любимая сорочка его мамы, еще давно, в другие времена, она надевала ее, когда у нее было особо хорошее настроение. Они тогда вместе садились за стол, мама готовила что-нибудь вкусное и они могли до

самой ночи болтать обо всем на свете. Потерев сухую ткань в руках, Гриша вдохнул запах пыли, обволакивающий его со всех сторон – едкий и затхлый, вызывающий легкую неконтролируемую дрожь в теле. Он прикрыл глаза, зарываясь в воспоминания, с силой зажал горлышко воротника...

Утро наступило как-то очень быстро. Будто кто-то лупанул по выключателю: вот еще минуту назад они, три глубоких старика, вдвоем потешались над их рассеянным соседом Иванычем, и вдруг двор затопил солнечный, морозный рассвет – наступил новый день. Маруся, поплотнее закутавшись в потертую дубленку, улыбаясь и напевая что-то про себя, пошла к Грише. В руках она бережно несла завернутый в полотенце кулек. Пробираясь по занесенной снегом тропинке, она дошла до дома их юного соседа. Самих детей у них с Толиком не было, и женщина за все эти годы очень привязалась к мальчику. Ей хотелось верить, что и Гриша чувствует к ней то же самое.

Отбарабанив с десятков тактов и не дождавшись ответа, женщина осторожно толкнула дверь. И сразу же задержала дыхание: после чистого морозного воздуха в доме было так же темно и гадко, как в нечищеном долгие месяцы хлеву. Ступая вглубь дома, Маруся не переставала удивляться заброшенности и запущенности соседского жилища. Гриша всегда встречал ее на пороге, не пуская внутрь, и она бы никогда не подумала, что рядом с ее чистым ухоженным кро-

вом, в каких-то ста метрах, может находиться такое скопление грязи и пыли. В кухню она не стала заходить: достаточно было тонюсенькой щелки в двери, из которой билась зловонная струйка, отчетливо отдававшая протухшей едой, мусором и чем-то еще более гадким. Идя по темному коридору, она заглянула в темно-синюю комнату с яркими плакатами на стене. Гриши, а это без сомнения была его комната, в ней не оказалось. Тогда старушка пошла дальше по коридору, в нерешительности остановившись возле последней двери. Какое-то дурное предчувствие сжало ей грудь, однако женщина поборола его и, сглотнув, медленно, отворила дверь.

Сначала в темноте она ничего не разглядела. Потом, шурясь подслеповатыми глазами, она увидела посередине комнаты очертания чего-то большого и черного. Нашарив рукой выключатель, женщина зажгла свет. Пару секунд она даже не могла закричать. Ужас затопил ее с головой.

Синий язык, точно кусок подвешенного за шкуру протухшего мяса, свисающий к полу, всеми мышцами тянется вниз, болтающиеся руки выглядят смешно и нелепо, расширившиеся, в красных прожилках яблоки глаз, будто маленькие теннисные шарики, в любую минуту готовы вывалиться из глазниц. Женщина почувствовала тошноту и, боясь потерять сознание, трясущимися пальцами схватилась за ручку двери. Взгляд ее подрагивающих глаз зацепился за серую веревку над головой мертвеца. То была сорочка его мамы.

Через два дня Гришу похоронили. Явился почти весь поселок, хотя многие, не кривя душой, пришли лишь из жалости к несчастному самоубийце. Дядя Толя поддерживал за плечи свою жену, Маруся украдкой вытирала платком мокрые глаза.

– Нервный срыв у парня приключился, – прокряхтел чей-то голос – это старая сплетница подошла со спины к соседям. – Не жизнь, а мука одна была. В начале отец, гуляка несчастный, их с матерью бросил, потом и она сама ушла... Да-а, парню только посочувствовать можно.

Однако сочувствия в ее голосе не было. Лишь странное удовлетворение да какая-то подлая, потаенная радость.

Маруся после ее слов еще больше распереживалась. Дядя Толя недовольно зыркнул на соседку, но та словно бы и не видела его взгляда. Смотрела, как рабочие ловко закапывают гроб в землю, все дальше и дальше отделяя тело Гриши от живых людей, полукругом собравшихся возле его могилы.

– А я ведь и не обратила внимания... – старуха подняла черные глаза к небу. – Когда он накануне прибежал ко мне, у него в руках был зажат кусок мыла. Если б знал кто, что он задумал, ах, если б знать!..

Поминать решили в доме дяди Толи. Маруся наготовила кучу вкусностей, и изголодавшиеся жители поселка с удовольствием приняли приглашение. Только старуха-отшельница отказалась.

– Слишком много переживаний для одного дня. Мне ну-

жен покой. Да и возраст у меня уже не тот, чтобы по гостям ошиваться.

– Ну, так – то похороны. Не каждый, дай бог, день бывают... – уговаривали ее местные бабы.

– Нет! Даже не пытайтесь! – старуха стояла на своем. – Иначе будут вам сегодня еще одни поминки.

Наконец даже самые добродушные и бойкие жительницы поселка оставили старуху в покое. Подбоченясь и слегка сторбившись, старая женщина наскоро пошаркала до своего дома. С самого утра у нее всё шло не так. Чертов ревматизм, который с каждым годом расстраивал ее всё больше, еще и то, что из-за болей в спине она поленилась вчера вечером приготовить ужин, а сегодня проспала и в спешке забыла про завтрак. *А ведь чертовка, должно быть, здорово перепугалась...*

Все эти мелкие неприятности нервировали старую женщину, заставляя ее всё быстрее перебирать короткими ногами, с неодобрением глядя на редких прохожих, встречая точно такой же колючий взгляд в ответ и радуясь, что из всего их поселка людей, с которыми она поддерживала дружеское общение, можно было по пальцам пересчитать.

Войдя наконец в дом, женщина стащила с тощих ног сапоги, запустила руку в глубокий карман, вытащила оттуда на свет связку старых ключей и, суетясь, стала перебирать в загрубевших пальцах ржавые отмычки.

– Не тот, и этот, тыфу, тоже... Где же ты, подлец, где ты,

черт тебя дери...

Через пару секунд старуха зажала в пальцах самый длинный и ржавый из ключей. Шумно втянула носом воздух, скалясь и почти неосознанно сминая порыжевшую головку.

– Ну что, чертов пройдоха, пора тебе поработать.

Выставив ключ впереди себя наподобие пушки, старуха вышла из прихожей, прошла мутно-черный коридор, свернула влево и остановилась у гобелена с портретом матери. Старый холст почти полностью заслонял собой стену, едва касаясь темных дощечек пола рваными, куцыми краями. Подобрав край полотна отрывистым, хорошо заученным движением, старуха нащупала в темноте холодную кожу металла. Запрокинув голову вверх, морща свой бороздчатый лоб, она снова и снова дергала ключ в замке, подбираясь и поднатуживаясь, словно пытаясь сдвинуть с места огромную заледеневшую глыбу. Когда замок поддался и дверь с тихим щелчком отворилась, женщина не сдержала стон облегчения. Она никогда не устанет проклинать этот чертов затвор!

Придерживая рукой поскрипывающую дверь, женщина сделала осторожный шаг вперед. За столько лет она успела изучить эту лестницу вдоль и поперек, вышколить, вдобавя себе в старую голову, каждую ступеньку и каждый камень, выступающий маленькой шальной преградой на ее пути. Дойдя до конца лестницы, старуха нащупала холодный выключатель на глиняной стене. Нажав на него, она – как и всегда при этом – зажмурила глаза. Хоть тусклый подземный

свет неровными волнами ложился на стены и пол подвала, слабым старушечьим глазам нужно было время, чтобы привыкнуть к нему после тягучей темноты лестничного пролета. А когда она открыла глаза, то увидела то же, что и всегда – испуганное, бледное лицо когда-то красивой женщины.

– Добрый-добрый день, – прокряхтела старуха, обходя женщину и оглядывая скромное убранство темницы.

Убогая кровать, стул без одной ножки, дырка в полу и мерно покачивающаяся лампа. Посередине темницы, скрючившись, приложившись спиной к деревянному столбу, полусидела, полулежала женщина средних лет. Было такое ощущение, будто один столб поддерживал в ней жизнь, не давая спине женщины проломиться, навсегда сторбившись в позе младенца. Левую лодыжку женщины окаймывала серебряная цепь металла.

Старуха прищурилась и заметила, что ее пленница дрожит, словно бы ее мучает лихорадка.

– Я д-думала... Вы не пришли вчера, и я испугалась, я испугалась, что вы...

Женщина не закончила, продолжая чуть ли не с радостью упиваться в лицо старухи.

– Думала, что я кони отдала? – старуха усмехнулась. – Ну уж нет, рано мне еще, милочка.

Женщина вздохнула, спрятав лицо в белых ладонях. Дрожь понемногу оставляла ее тело, пока до сознания медленно доходило: «Старая ведьма жива, она еще не закончила

с тобой...»

Тем временем старуха фыркнула, ее корявые губы сжались в тонкую линию, словно бы злясь на хозяйку за такое милосердие, а рука уже скользнула в прорезь куртки, доставая оттуда завернутый в серую салфетку кулек.

– На, твой обед, – старуха протянула руку женщине. – Остался с помина.

Женщина, не задавая вопросов, молча взяла протянутую ей еду. Она уже давно перестала интересоваться жизнью поселка. Так и сейчас, предположив, что умер кто-то из стариков, коих в их поселке было пруд пруди, женщина торопливо развязала салфетку и, взяв большой кусок жареного мяса, жадно впилась в него зубами. Старуха молча наблюдала за ней, скрестив руки на груди и нахмутив свои черные, не тронутые сединой брови.

Утолив сосущий голод, женщина вытерла рот рукавом рубахи и посмотрела на старую женщину знакомым умоляющим взглядом.

– Как там мой Гриша?

Старуха устало прикрыла веки. Алиса задавала этот вопрос каждый божий день, надеясь узнать о своем сыночке любую, пусть и не всегда правдивую информацию. И иногда старуха лениво отвечала на ее вопросы, дразня женщину обрывками правды, умело законсервированной под соусом лжи и откровенного вранья.

– Гришка? – переспросила старуха, будто впервые слыша-

ла о таком имени.

Женщина с мольбой в карих глазах не отрывала взгляда от своей мучительницы. Вот уже как пять лет пленница не видела дневного света, живя, спя и молясь Богу в этой холодной, богом забытой темнице. За время ее затворничества ее кожа впитала бледно-коричневый оттенок подземных стен, светлые волосы истончились и потемнели, став похожими на прибитую дождем пшеницу, она постарела и подурнела, почти утратив свою былую аристократичную красоту. Хоть старуха и не морила ее голодом (а в первые месяцы даже поила ее каким-то отваром от ее женской болезни), Алиса страшно исхудала, мучаясь от ночных кошмаров и живя в страшном напряжении каждую минуту своей невыносимой жизни.

– Всё хорошо с твоим Гришей, – резко ответила старуха, качая головой. Она никак не могла взять в толк, почему эта женщина даже после стольких лет так беспокоится о своем неблагодарном сыне. А потом чуть тише:

– Видит Бог, твой гадёныш поплатился за свой дрянной характер.

Женщина, секундой назад согретая старушечьими словами, резко подняла глаза.

– Что? Что вы такое говорите?

Старуха усмехнулась. Скривила губы, прищурилась. Потом медленно развернулась в сторону лестницы.

– Подождите!

Голос Алисы взлетел на пару октав.

– Что вы хотите этим сказать? Что... – она задохнулась. –

С ним что-то случилось?

Старуха не ответила. Сделала шаг по направлению к лестнице. Заулыбалась, мурлыкая себе под нос что-то веселое и радостное.

– Ответьте! Пожалуйста, прошу вас, не уходите!

Женщина, похолодев, смотрела на удаляющуюся тень. В порыве бессильной ярости она рванулась следом за старухой, но это, разумеется было невозможно: сколько бы она не надрывалась, тянясь к лестнице, железные оковы не отпускали ее из своей стальной хватки. Чувствуя, как что-то обрывается в груди, Алиса перевела взгляд на все еще зажатую в руках салфетку с помина. Вспомнила свой ночной кошмар: страшно посиневшее лицо ее мальчика, безжизненные глаза и обмотанная серая ткань вокруг его изломанной шеи. Снова перевела взгляд на свои лоснящиеся от жирного мяса пальцы. К горлу подкатила тошнота и засела на корне языка страшной, пробиваемой до дрожи догадкой.

Не прекращая напевать, старуха продолжала бодро подыматься по лестнице. Ее собственное мычание перекрывал истошный вой снизу, однако ведьма не останавливала шаг, энергично подымая старые уставшие кости наверх, к полу-раскрытому проему впереди. Несмотря на боль в коленях и спертое дыхание в груди, она улыбалась. Теперь она отомщена. Вот теперь она может простить свою Катю, так трусливо

покинувшую родную мать много-много лет назад, сбежав в город и оставив ее одну догнивать свой век в дряхлой, годящейся лишь для того, чтобы скрыться от дождя избе. Теперь ее дочь прощена, как и все неблагодарные дети, не ценящие, не видящие, не понимающие всю заботу и любовь своих матерей.

Не обращая внимания на надрывающие крики женщины, старуха пролезла в проем, закрыла дверь на ключ и прикрыла тайник полотном. Свободно выдохнув, по-прежнему улыбаясь, слегка качаясь, она вошла в свою комнату. Теперь ее душа спокойна.

Зайдя в комнату, старая женщина скользнула взглядом по иконе Богородицы и улыбнулась еще шире. Затем достала из шкафа новенькую сорочку, переделалась, морщась от болей в ногах. Затушила догорающую свечу с чувством глубокой, наконец-то восстановленной справедливости – если уж не во всём мире, так в ее душе уж точно. Улыбаясь иссохшими губами, старуха легла в постель и заснула вечным мирным сном.

Где-то из-под пола, напоминая крики раненного животного, рвались на волю глухие рыдания.